

А.Д. Терлецкий

Ипполит Терентьев

Персонаж романа Ф.М. Достоевского «Идиот», старший сын «пассии» генерала Иволгина — «капитанши» Марфы Борисовны Терентьевой. Коля Иволгин заочно представляет Ипполита Мышкину как «великолепного малого», который, правда, «почти совсем ожесточился», стал обидчивым и озлобленным. На вид Ипполит — «очень молодой человек», лет семнадцати–восемнадцати, «с умным, но постоянно раздраженным выражением лица, на котором болезнь («чахотка в весьма сильной степени») положила свои ужасные следы. Он был худ как скелет, бледно-желт, глаза его сверкали, и два красные пятна горели на щеках».

Месяцев восемь назад Ипполит стал очень болен, прекратил все отношения и оставил всех бывших товарищей. Спустя три месяца он «навсегда заперся изнутри» в своей комнате. Семейная обстановка способствовала его уединению. Мать трепетала перед ним и постоянно колотила детей, чтобы те его «не беспокоили». Колю Иволгина Ипполит очень любил, но «мучил порядочно» — это, по его мнению, было «натурально», так как люди для того «и созданы, чтобы друг друга мучить». Сосед Ипполита Суриков — «смирнейшее существо» — все же не мог вынести его усмешки «над трупом» своего ребенка и тихо выпроводил «мучителя» вон.

Когда Ипполиту немного полегчало и он стал выходить, случай свел его с семейством бедного доктора: он возвратил ему потерянный бумажник и через своего школьного товарища Бахмутова помог устроиться «как не надо лучше». В разговоре с Бахмутовым Ипполит развивает мысль о непреходящем значении «единичного добра» и рассказывает историю о «старичке-генерале», всю свою жизнь забрасывавшем «семена добра» в ожесточившиеся души преступников. «Забывшие» добрые дела, говорит Ипполит, «воплотятся и вырастут», и почему знать, какое участие они будут «иметь в будущем значении судеб человечества». Но если человеку остается жить на свете всего два-три месяца, заключает Ипполит свои рассуждения, то он вынужден подыскивать себе доброе дело «помельче», чтобы успеть довести его до конца. Эта «забавная мысль» становится для Ипполита «первым семенем» его «последнего убеждения» — «не стоит жить несколько недель». Окончательная же решимость созрела в нем не из «логического вывода», а от «странного толчка» после визита к Рогожину.

Картина в мрачной зале рогожинского дома, изображающая мертвого Христа, произвела в Ипполите «странное беспокойство». При пятиминутном созерцании ее «природа представилась ему в виде громадной машины новейшего устройства, которая бессмысленно захватила, раздробила и поглотила в себе... великое и бесценное существо... которое одно стоило всей природы и всех законов ее...» Картиной этой выражается «понятие о темной, наглой и бессмысленно-вечной силе, которой все подчинено...». Под ее ужасным воздействием Ипполиту дома в бреду померещилось «то самое темное, глухое и всесильное существо в виде отвратительного тарантула». Явившееся в этот момент «привидение» — Рогожин с «насмешкой» во взгляде — настолько «унизило» его, что он пришел к выводу: «нельзя оставаться в жизни, которая принимает такие странные, обижающие» его «формы». Таков был первый толчок — «не логическое убеждение, а отвращение» — способствовавший его «окончательному решению».

Второй последовал в Павловске на даче у Мышкина, куда Ипполит явился в компании «нигилистов» в качестве адвоката Антипа Бурдовского — так называемого «сына Павлищева», незаконно претендовавшего на часть княжеского наследства. Клеветническую статью Келлера Ипполит не одобрил, но, — так как «гласность есть законное право

всякого», — заявил, что «все-таки наполовину он был в своем праве». По мнению Евгения Павловича Радомского, суть речей Ипполита и его «товарищей» как раз и сводится «к теории восторжествовавшего права», от которого «дело может прямо перескочить на право силы... и личного захотения», откуда недалеко «до права тигров и крокодилов».

В начале своего визита к Мышкину Ипполит не может говорить спокойно, а «самым неестественным образом» кричит «визгливым, надтреснутым голосом». Затем, после стычки с Лизаветой Прокофьевной Епанчиной, он немного успокаивается и выражает свое «последнее желание» побеседовать с ней — «это вроде прощания будет с людьми и с природой», так как недели через две он будет уже «наверно в земле». Ипполит пытается разговаривать «с оттенком насмешки», но начинает волноваться «несоразмерно», мнительно оглядываясь, путаясь и теряясь на каждом слове. Речь его преимущественно состоит из «отрывков», надуманных и заученных «в долгие, скучные часы болезни».

И. кажется, что стоит ему «только четверть часа в окошко с народом поговорить, и он (народ) тотчас же» с ним «во всем согласится и тотчас же» за ним пойдет. Но самоуверенность и высокомерие Ипполита лишь личина, за которой прячется наивная и слишком ранимая душа. С «детской улыбкой» Ипполит рассказывает о том, как «много хотел» он в жизни: «хотел быть деятелем, жить для счастья всех людей, для открытия и возвещения истины», — но «природа» насмеялась над ним: в последний раз он не сумел сойтись с людьми, которые, как ему кажется, презирают его, — и «если бы не подвернулась эта чухотка», он сам бы «убил себя». Не закончив, Ипполит вдруг заплакал, как малое дитя, но тут же «слез своих застыдился» и «с самою бешеною злобой» проклял всех «навсегда». По словам Мышкина, в этот раз Ипполит хотел не просто «красноречиво умереть» (как полагает Радомский), а «всех вас благословить и от вас благословение получить», однако его болезненная мнительность и нечуткость окружающих не дали осуществиться этому благому намерению.

Последующее объяснение Ипполита с Мышкиным кончилось тем, что он два раза поцеловал князю руку, согласившись на его предложение поехать к нему в Павловск на дачу, где ему будет легче «умирать между людьми и деревьями». Там в присутствии многочисленного общества, собравшегося к Мышкину на день рождения, Ипполит зачитывает свое «Необходимое объяснение», эпитафией для которого берет крылатое изречение, приписываемое французскому королю Людовику XV: «После меня хоть потоп». В этой «статье» он имел намерение выразить одну «правду» — «последнюю и торжественную» — «совершенно независимо» от его «смертного приговора», но, по замечанию Лебедева, «много лишнего написал», так как слишком уж собой «интересуется».

И. мечтает, чтобы его — «голодного, прибитого (тем лучше!), но здорового» — выгнали на улицу и оставили там «совершенно одного, без квартиры, без куска хлеба», — тогда бы он «показал». Он с «гордостью» говорит о том, что не испытывает никакой жалости к здоровым, но бедным «дуракам»: бедняка Зарницына, умершего с голоду, если б можно было его оживить, он готов казнить. Поставив себе целью «умереть в Павловске на восходе солнца», Ипполит еще месяц назад приготовил маленький карманный пистолет. Его «рассмешило» тогда одно предположение: «...Если бы мне вдруг вздумалось теперь убить... хоть десять человек разом... то в какой просак поставлен бы был предо мною суд...»

Просить прощения перед смертью, полагает Ипполит, ему «не у кого и не в чем». Чувствуя себя «выкидышем» на «пире жизни», он допускает, что «смирение есть громадная сила», допускает и «вечную жизнь» (правда, тут же прибавляет, что «высшая сила», волей которой было «зажжено» его сознание, «вдруг» предписывает ему «уничтожить», то есть, по сути, отрицает свое «допущение» — веру в бессмертие человеческой души), но не понимает, зачем для того, чтобы его «съесть», понадобилось его «смирение».

Христианские заповеди кротости и послушания Ипполиту понять трудно, — поэтому он предпочитает оставить религию. Он решает умереть «вовсе не потому, что не в силах перенести эти три недели», а потому, что «самоубийство есть единственное дело»,

которое он еще может «успеть начать и окончить» по своей собственной воле. Один экземпляр своей рукописи Ипполит просит князя сохранить у себя, а другой — передать Аглае. Скелет свой он завещает в Медицинскую академию «для научной пользы».

Прочитав «тетрадь», Ипполит видит, что «сделал ужасную ошибку» — слушатели отнеслись к его «исповеди большей частью отрицательно: «феноменальное слабосилие» (Фердыщенко); «просто дурак» (Ганя Иволгин); «не застрелится; балует мальчишка» (генерал Иволгин); «к тому и вел, что за руки будут держать» (Рогожин). Ипполит пытается довести дело до конца: спускает у виска курок, но пистолет оказывается без капсюля, который он забыл положить «совсем нечаянно, а не нарочно». Считая, что теперь он «обеспечен навеки», Ипполит падает без чувств.

После всего случившегося Ипполит перебирается от князя, с которым расстается будто бы дружески, в дом к Птицыну, а оттуда, после конфликта с Ганей, — к себе домой. В последний раз Ипполит заходит к Мышкину очень «усталый и изнуренный», сообщает о предстоящем свидании Аглаи с Настасьей Филипповной и объявляет, что теперь уже «серьезно» уходит «туда». Накануне ночью Ипполиту снится сон, что Рогожин его «задушил мокрой тряпкой». В то время, когда князь начинает готовиться к свадьбе, Ипполит уже не встает с постели. Умирает он «в ужасном волнении и несколько раньше, чем ожидал, недели две спустя после смерти Настасьи Филипповны».